

**ИОСИФ БРОДСКИЙ «В ЭТОЙ МАЛЕНЬКОЙ КОМНАТЕ
ВСЕ ПО-СТАРОМУ...» (ИЗ ОПЫТА АНАЛИЗА СТИХОТВОРЕНИЯ)**

Мария ЧЕРВАК, магистрант, филологический факультет,
Бельгийский государственный университета имени Алеку Руссо

Научный руководитель: **Татьяна СУЗАНСКАЯ**, доктор, конференциар

Rezumat: *În articol este descrisă stabilirea particularităților poetice ale lui J. Brodsky și analizei poeziei „În această mică odaie e totul pe vechi...”. Autorul articolului a folosit metoda de analiză literară integră. Principalul conținut al cercetării îl constituie coloritul emoțional al poeziei propuse, personajelor-simboluri, lexicului, sintaxei. O atenție deosebită se acordă temei de singurătate și cronotopului.*

Cuvinte-cheie: *poetica lui Brodsky, postmodernism, modernism, singurătate, timp, spațiu.*

Ведущей особенностью поэтики И. Бродского является устойчивость, повторяемость как основных мотивов, так и художественных средств их выражения. Можно отметить, что тот или иной мотив у Бродского закреплён за конкретной поэтической формулой. «Формульность», как замечает доктор филологических наук, профессор А.М. Ранчин [7], в виде повтора выражений, строк и образов, конечно же, не является самым характерным признаком поэтических текстов И. Бродского. Данный признак наблюдается у многих поэтов. Однако произведениям Бродского присуща жёсткая корреляция между «смыслом» и «формой», между двумя планами текста. С помощью демонстративного повторения строк, выражений или образов, с помощью их превращения в поэтические формулы создаётся эффект восприятия разных стихотворений Бродского как *единого художественного текста*.

О многом говорят освоение и преобразование Бродским таких классических жанров, как ода, сонет, стансы, эклога. Несомненно, произведения Бродского достаточно далеки от классических образцов жанра, однако важна сама соотнесённость с традицией. Поэзия Бродского соединяет в себе традиционные элементы классической поэтики с несвойственными ей чертами: это и мотив несуществования, «анонимности» «Я», и неожиданная и «причудливая», глубоко индивидуальная образность, и свободное соединение высокой лексики с низкой, и множество анжамбеман (enjambements), нарушающих законы ритма.

В труде «Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы» Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий рассмотрели *философию языка поэзии*

Бродского [4, с. 645]. Одним из главных положений, которых придерживался Бродский, – это создание эффекта непрерывности культур, что для поэта означало *возрождение опыта модернизма* в лице Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой, Элиота, Одена. Рассматривая вопрос о непрерывности культуры, Бродский выдвигал идею поэта как «инструмента языка». «Такая степень зависимости от языка была свойственна, может быть, только двум русским поэтам – Хлебникову и Цветаевой, стилистическое родство с которыми ощутимо в поэтике Бродского в большей мере, чем духовное родство с Ахматовой» [6, с. 64]. Иосиф Бродский в Нобелевской речи говорит о поэте как орудии языка, выражающем то, что в языке уже есть, и то, что языку необходимо. Подобное отношение к языку свойственно модернизму и авангарду. Бродский продолжает модернистскую традицию, следуя за «шумом языка». Однако если модернисты относились к поэту, как к центру мироздания, то Бродский считает, что власть языка лишает поэта подобной роли, полагая, что именно неравность человека Богу даёт поэтическому слову ту «отчётливость», которую он сохраняет на века – в языке.

Таким образом, обозначить Бродского как поэта-модерниста или поэта-постмодерниста невозможно, он провёл уникальный художественный эксперимент в своём творчестве, соединив классические, модернистские и постмодернистские тенденции.

Поэтика Бродского рассматривалась учеными и «с точки зрения смерти»: *переосмысление барокко*. Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий выделили важнейшие поэтические темы Бродского, а именно *смерть, время, пустоту, пространство, язык (поэзия, искусство), свет/тьму*. К ним можно добавить и лейтмотивные темы, отмеченные М.Б. Крепсом: *тема болезни, тема старения, тема Ада и Рая (что связано с темой света/тьмы), тема Бога и человека, тема Ничто (Небытия), тема разлуки и одиночества, тема свободы, тема империи, тема человека и вещи*.

Проанализировав вышеуказанные темы, Н. Лейдерман и М. Липовецкий предполагают, что философско-эстетической основой, с помощью которой Бродскому удалось соединить такие непохожие тенденции, явилась в его поэтике *традиция барокко*. Одной из причин, побудивших Бродского обратиться к опыту барокко, стала общность рассматриваемых проблем. В эпоху барокко рассматривались такие вопросы, как существование Бога, противоборство человека и Бога, одиночество человека во Вселенной. Мир барокко – это мир тотального беспорядка, лишённого стабильности, над людьми нависло социальное сознание кризиса. Для барокко характерна «завороженность смертью», которая является наиболее ярким проявлением этого философского кризиса. Аналогичное значение придаётся смерти в художественном мире Бродского. «Смерть – одна из центральных тем поэзии Бродского, включающая множество подтем: страх смерти и его преодоление, смерть как небытие, смерть как переход в Ничто, размышления о возможности/невозможности жизни за пределами смерти и т. д.» [3, с. 203]. Лирический герой Бродского живёт, ни на секунду не забывая о том, что мрак, край, небытие близко и всё в

мире неустойчиво. Парадоксален тот факт, что именно смерть служит доказательством существования бытия. Бродский полагает, что единственный способ преодолеть мрак и боль – это принятие боли вообще и осознание мрака смерти. Только взглядевшись в темноту, можно увидеть свет. «Неизбежность превращения в “никто, ничто” лишь усиливает сознание уникальной ценности жизни и человека, “очерк чей и через сто/тысяч лет неповторим”» [4, с. 649].

Центральной философской темой барокко и постмодернизма является тема мнимости реального, и именно Бродский развил данную тему наиболее решительно. Она выразилась в его творчестве в осознании *пустоты* как неизбежной среды существования. Пустоту Бродский видит как нечто, что соединяет бытие с небытием, поэтому она становится его *интегральным символом*. Образ Пустоты у Бродского – то, что ожидает человека после смерти: «Наверно, после смерти – пустота. / И вероятнее, и хуже Ада». В связи с этим ход времени подчиняется пустоте и ведёт к пустоте. В поэтике Бродского время выступает как разрушительная сила, несущая утраты и отнимающая всё у человека. Время – верховный правитель мироздания, оно же и великий разрушитель, поглощающий и обезличивающий всё. И в поэзии Бродского оно выступает как враждебная стихия. Однако парадокс состоит в том, что время не только вбирает в себя человеческую жизнь, но и сохраняет её, поскольку жизнь состоит из утрат.

Сущность поэтики Бродского – склонность к философским суждениям. Он видит общее через частное. Например, в стихотворении «Цветы» (1993) лирический герой наблюдает за внешней формой цветов и от внешнего переходит к их «сущности», к чистой, «внутренней» форме, которая состоит из атомов и молекул. Лирический герой у Бродского непосредственно сталкивается с миром понятий: *Человек, Время, Пространство, Смерть, Бог, Империя*. Стихотворения для поэта – это средство, при помощи которого он соединяет такие разрозненные элементы бытия, как «Я», Мир и вещь. Поэзия для Бродского – это особое видение реальности, которое содержит в себе и лирического героя, и язык, и материальный мир, и набор философских рассуждений, и сам механизм порождения этой реальности. Поэзия даёт возможность увидеть мир, как сеть слов и фраз, которые образуют идеи и понятия. Язык, в широком смысле этого слова, является творящим началом в поэзии Бродского. Поэт видел его как единственный источник и художественных образов, и универсальных философских суждений.

Стихотворение «В этой маленькой комнате все по-старому...» входит в сборник «Примечания папоротника». Все вошедшие стихотворения (23) относятся ко времени между Нобелевской премией (1987) и 50-летием И. Бродского (1990).

«В этой маленькой комнате все по-старому...» посвящено американской подруге И. Бродского Л.К. (Лизе Напп или Lisa Knapp), более ни в каких источниках о судьбе этой героини не упоминается, она остается для нас загадкой. В первой строфе описывается «маленькая комната» и главное украшение здесь –

«это аквариум с рыбкою». Образ рыб, во всей своей полисемантической, используется Бродским многократно с самых ранних произведений. В целом ряде текстов у эксплуатирующего христианскую тематику Бродского рыба является символом Христа. «В христианстве рыба становится символом Христа; слово «ихтис» расшифровывалось как аббревиатура формулы «Иисус Христос, Божий сын, Спаситель». Также она символизирует веру, чистоту, Деву Марию» [8]. По словам самого поэта, частое обращение к рыбе заключается в следующем: *«Я всегда знал, что источник этой привязанности где-то не здесь, но вне рамок биографии, вне генетического склада, где-то в мозжечке, среди прочих воспоминаний о наших хордовых предках, на худой конец – о той самой рыбе, из которой возникла наша цивилизация. Была ли рыба счастлива, другой вопрос»* [5]. В анализируемом нами стихотворении образ аквариума с рыбкой – это образ замкнутого пространства и несвободы. Наречие «по-старому» указывает на прошлое лирического героя и на неизменяемое настоящее.

Во второй строфе появляется образ лирической героини: *«С тех пор, как ты навсегда уехала, / похолодало, и чай не сладок»*. Герой одинок, а лексемы «похолодало» и «не сладок» обращают наше внимание на горечь от разлуки с любимой, тоску и душевную опустошенность. Время, жизнь разделились на до и после расставания возлюбленных.

В третьей строфе с помощью метонимии передано нежелание лирического героя покидать свою «маленькую комнату»: *«Колесо и каблук оставляют в покое улицу...»*. Поэтический персонаж продолжает изучать пространство вокруг, от аквариума с рыбкою его взгляд перемещается на улицу, где стоит горделивый платан. Слово «луковица» в строках *«Две половинки карманной луковицы / после восьми могут вызвать слезы»* принимает значение «часы особой формы». Здесь проявляется излюбленная Бродским игра слов: лук как растение может вызвать слёзы также и часы особой формы могут вызвать слёзы героя. Почему после восьми? Возможно, в это тёмное время суток чувство одиночества усиливается так, что невозможно сдержать ни свои эмоции, ни слёзы.

Лирический герой – мечтатель, и это мы узнаём из четвёртой строфы: *«Часто чудится Греция: некая роца, некая охотница в тунике...»*. Обращение к античным образам свойственно поэзии Бродского, ведь писатель видел сходство между современностью и античностью. «...Некая охотница в тунике» отсылка к древнегреческой богине охоты Артемиде. «...Впрочем, чаще нагая преследует четвероногое / красное дерево в спальней чаще» – метафора, в которой автор оживляет мебель с помощью эпитета «четвероногое красное дерево», а также метафора, которая рисует образ нагой Артемиды в спальне лирического героя.

В пятой строфе поэтический персонаж покидает свои грёзы и продолжает взглядом изучать маленькую комнату: квадрат окна, портрет прадеда, нежный сквозняк, занавеска.

Шестая и седьмая строфы отмечены философскими размышлениями лирического героя: *«В качку, увы, не устоять на палубе. Бурю, увы, не срисовать с натуры...»*. Лирический герой делает вывод о невозможности противостояния окружающему миру. Почему же *«В городах только дрозды и голу-*

би / верят в идею архитектуры»? Возможно, что люди не обращают внимание на архитектуру, они заняты своими делами, мыслями, им не до искусства.

В последней строфе трагическое впечатление о невозможности противостоять окружающему миру завершается уверенностью в скором наступлении конца: «Несомненно, все это скоро кончится – быстро и, видимо, некрасиво...». Философские размышления о жизни, о бытии, о смерти истокают лирического героя, его «Мозг – точно айсберг с потекшим / контуром, / сильно увлѣкшийся Курасиво». Курасиво с японского переводится как тёмное/чёрное течение. Получается, что под тёмным течением автор подразумевает философские размышления, которые изнуряют героя.

Следует отметить такую особенность синтаксиса, как многосоюзие, обусловленное частым использованием сложных предложений с придаточными, деепричастные обороты. Подобное построение стихотворения похоже на «поток сознания», в котором лирический герой выражает свои чувства и эмоции здесь и сейчас, выплёскивает на бумагу всё, что творится в душе, всё, о чём он думает в данную минуту, в определенной отрезок времени: *комната, аквариум с рыбкою, уход любимой, сумерки, улица, горделивый платан, карманная луковича, Греция, охотница в тунике, четвероногое красное дерево, квадрат окна, портрет прадеда, качка, буря, дрозды и голуби, архитектура, всё скоро кончится...*

Обратим внимание и на частое употребление частицы НЕ в стихотворении: *не сладок, не меняет, не к месту, не устоять, не срисовать, несомненно, некрасиво*. Данные лексемы добавляют в произведение ноты отрицания, грусти, отчаяния. Отрицание указывает на дискомфорт лирического героя, ему здесь неуютно находиться, нерадостно и немило, потому что любовь покинула его.

В небольшом стихотворении «В этой маленькой комнате все по-старому...» И. Бродский поднял такие вечные темы, как бытие человека во времени и пространстве, любовь, сопряженная с разлукой, отчаянием, одиночеством, восприятие изменившегося после разлуки мира. Читатель может проникнуть в мысли и мир лирического героя и его глазами увидеть пространство, «маленькую комнату», которая расширяется до бесконечности и в которой всё говорит об одиночестве, прежней любви и боли утраты. Как это ни парадоксально, утверждение первого стиха в итоге можно прочесть «с точностью до наоборот»: «В этой огромной до бесконечности комнате все по-новому...», потому что нет Тебя, нет любви. Вместо прежней гармонии – «чай», оказывается «не сладок», возникает холод, жизненная «качка», «слезы», печальный финал: «Несомненно, все это скоро кончится – быстро и, видимо, некрасиво».

Библиография:

1. БРОДСКИЙ, И.А. *Электронное собрание сочинений И.А. Бродского* (составитель: Винницкий С.), подготовленное по изданиям: «Сочинения Иосифа Бродского» (1-е изд. в 4 тт., ред. Г. Ф. Комаров, «Пушкинский фонд», С-Пб., 1994; 2-е изд., тт. 1 и 2, ред. Я. Гордин, 1998); по утверждённому Бродским сборнику «Часть речи» (сост. Э. Безносков, М., «Художественная Литература», 1990); и по сборнику «Форма Времени» (сост. В. Уфлянд, «Эридан», Минск, 1992) / <http://xray.sai.msu.ru/>

2. *Иосиф Бродский в XXI веке: материалы международной научно-исследовательской конференции*. Санкт-Петербург. 20-23 мая 2010 г. / под ред. О. И. Глазуновой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; МИРС, 2010. – с. 146, ISBN 978-5-8465-1028-9
3. КРЕПС, М.Б. *О поэзии Иосифа Бродского*: <http://lib.ru/BRODSKIJ/kreps.txt>
4. ЛЕЙДЕРМАН, Н.Л. и ЛИПОВЕЦКИЙ, М.Н. *Современная русская литература: 1950 -1990-е годы*: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. – Т. 2: 1968 - 1990. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – с. 641
5. *Набережная неисцелимых: эссе* / Пер. с англ. Г. Дашевского. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 192с. + вклейка (8 с.) – (Азбука-классика), ISBN 978-5-389-05126-3
6. ПОЛУХИНА, В. *Грамматика метафоры и художественный смысл / / Поэтика Бродского* / Под ред. Л. В. Лосева. – Тенаfly, 1986 – с. 64
7. РАНЧИН, А. «*На пиру Мнемозины...*»: *Интертексты Бродского*. М.: Новое литературное обозрение, 2001
8. *Словарь символов и знаков* / Авт.-сост. Н.Н. Рогалевич. – Мн.: Харвест, 2004. – 369 с., ISBN 985-13-2414-0.